

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Модель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве как детерминанта правового нигилизма

Чурикова А.Ю.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО ПИУ РАНХиГС), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0299-622X>, e-mail: a_tschurikova@bk.ru

Манова Н.С.

Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО СГЮА), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2755-2070>, e-mail: n.manova@mail.ru

Работа направлена на выявление предпосылок формирования правового нигилизма среди сотрудников органов прокуратуры. Проведено соотношение правовой и фактической моделей деятельности прокурора в уголовном процессе с позиции влияния на правосознание прокурорских работников. Для достижения цели исследования авторами проведен анализ действующего законодательства, правоприменительной практики, информации, размещенной на официальных сайтах органов расследования и прокуратуры, а также опрос методом поперечных срезов путем анкетирования участников уголовного процесса. Полученные результаты дают возможность говорить о наличии сформированного правового нигилизма у сотрудников органов прокуратуры в условиях невозможности полноценного выполнения ими своих функций, с опорой на действующее законодательство. В современных условиях прокуроры вынуждены идти на нарушение закона или искажение практики его применения для того, чтобы решить те задачи, которые поставлены перед ними этим же законом, что свидетельствует не о профессиональной непригодности сотрудников органов прокуратуры, а о непоследовательности и нелогичности действующего законодательства, недостатки которого прокуроры вынуждены компенсировать проявлениями правового нигилизма.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовая и фактическая модель деятельности прокурора, руководство прокурора уголовным преследованием, характер взаимоотношений прокурора с участниками досудебного производства.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00887.

Для цитаты: Чурикова А.Ю., Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве как детерминанта правового нигилизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 226–237. DOI:10.17759/psylaw.2022120417

The Model of the Prosecutor's Activity in Criminal Proceedings as a Determinant of Legal Nihilism

Anna Yu. Churikova

Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0299-622X>, e-mail: a_tschurikova@bk.ru

Nina S. Manova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2755-2070>, e-mail: n.manova@mail.ru

The work is aimed at identifying the prerequisites for the formation of legal nihilism among prosecutors. The correlation of legal and actual models of the prosecutor's activity in criminal proceedings from the position of influence on legal consciousness of prosecutors was carried out. To achieve the purpose of the research the authors conducted an analysis of the current legislation, law enforcement practice, information posted on the official websites of the investigation and prosecution bodies, as well as a cross-sectional survey by questioning participants in criminal proceedings. The results allow us to speak about the presence of legal nihilism of prosecutors in the conditions of inability to fully perform their functions, based on the current legislation. In modern conditions, prosecutors are forced to violate the law or distort the practice of its application in order to solve the tasks assigned to them by the same law, which indicates not the professional unsuitability of prosecutors, but the inconsistency and illogic of the current legislation, the shortcomings of which prosecutors are forced to compensate with the manifestations of legal nihilism.

Keywords: legal nihilism, the legal and factual model of the prosecutor's activity, the prosecutor's leadership in criminal prosecution, the nature of the prosecutor's relationship with participants in pre-trial proceedings.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-011-00887.

For citation: Churikova A.Yu., Manova N.S. The Model of the Prosecutor's Activity in Criminal Proceedings as a Determinant of Legal Nihilism. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 226–237. DOI:10.17759/psylaw.2022120417 (In Russ.).

Введение

Прокурор является одним из самых влиятельных субъектов в любой системе правоохранительных органов [3; 17]. В правовых системах многих стран мира на него возложена координация борьбы с преступностью, обеспечение законности и обоснованности уголовного преследования, прав и законных интересов всех участников процесса [16; 17]. Данные различных социологических исследований говорят о том, что именно на прокурорских работников население возлагает основные надежды, связанные с восстановлением своих нарушенных прав и законных интересов [1; 7; 12]. При этом уровень доверия населения к органам прокуратуры, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ),

выше, чем к остальным правоохранительным органам¹. Такое положение предполагает высокий уровень правосознания прокурорских работников, неотступное следование ими действующему законодательству.

В 2007 г. процессуальные полномочия прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса были существенно сокращены. Но при этом законодатель сохранил ответственность прокурора за законность досудебного уголовного преследования и его обязанность по поддержанию государственного обвинения в суде. Многие авторы отмечают, что подобное положение не позволяет прокурору эффективно осуществлять возложенные на него функции и обеспечивать законность уголовного судопроизводства [2; 4; 18].

Полагаем, что создавшаяся ситуация усиливает тенденцию к формированию правового нигилизма, который характерен как для российского населения в целом, так и для сотрудников отечественных правоохранительных органов — в частности [5; 6]. Правовой нигилизм правоприменителей выражается, прежде всего, в их готовности действовать, произвольно истолковывая закон и откровенно нарушая его [5; 13].

С целью выявления предпосылок формирования правового нигилизма среди сотрудников органов прокуратуры, авторы провели исследование, направленное на анализ соотношения правовой модели деятельности прокурора (установленного законом порядка реализации его функций и полномочий) и фактической модели его деятельности (практики осуществления прокурором деятельности в уголовном судопроизводстве), а также влияния данного соотношения на правосознание прокурорских работников.

Описание методов исследования и выборки

В основу исследования был положен анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, а также материалов правоприменительной практики. Кроме того, авторами была проанализирована информация, находящаяся в общем доступе на официальных сайтах органов предварительного расследования и прокуратуры.

Для достижения цели исследования авторы провели опрос, используя метод поперечных срезов, путем анкетирования 223 сотрудников органов прокуратуры, задействованных в системе уголовного судопроизводства, и 476 иных участников уголовного процесса (109 адвокатов, 38 потерпевших, 42 обвиняемых (подозреваемых), 170 следователей, 89 дознавателей, 28 сотрудников суда).

Исследование проводилось по всей территории Российской Федерации путем рассылки приглашения для заполнения анкет в гугл-формах на официальные e-mail-адреса органов прокуратуры, следствия, дознания, судов, а также путем размещения информации о проводимом анкетировании и возможности его прохождения на официальном сайте Международной ассоциации содействия правосудию (<https://www.iauaj.net/>).

Анкетирование носило добровольный характер. Для каждой группы респондентов составлялись индивидуальные опросники, включающие схожие вопросы, направленные на выявление

¹ Правоохранительные и судебные органы: рейтинг защитников прав и свобод. Прокуратура лидирует в народном рейтинге. МВД и суды — на втором и третьем месте [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Новости. Официальный сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/pravookhranitelnye-i-sudebnye-organy-rejting-zashhitnikov-prav-i-svobod> (дата обращения: 20.06.2021).

ние фактической модели деятельности прокурора, а также признаков и предпосылок правового нигилизма среди участников уголовного процесса.

С целью установления фактической модели деятельности прокурора в уголовном процессе респондентам предлагалось ответить на вопросы, направленные на выявление характера взаимодействия органов прокуратуры и органов предварительного расследования.

Для определения признаков и детерминант нигилистического отношения сотрудников органов прокуратуры к реализации норм уголовно-процессуального законодательства были сформулированы вопросы, направленные на установление субъективного отношения респондентов к положению о том, что «на практике все иначе, чем в законе»; выявление субъективного отношения прокурорских и следственных работников к допустимости отступлений от требований действующего законодательства; установление типичных нарушений закона и субъективной оценки частоты допускаемых нарушений; определение профессиональных деформаций, наиболее часто встречающихся среди прокурорских работников.

При разработке анкет авторами были учтены данные, полученные М.В. Кроз и Н.А. Ратиновой, согласно которым прокуроры избегают указывать в анкетах и в целом предпочитают замалчивать наличие у них такой деформации правосознания, как правовой нигилизм [10, с. 72], что обусловлено целым рядом факторов: требованиями, предъявляемыми к прокурорам, корпоративными нормами, механизмами психологической защиты [9; 10].

Соотношение правовой и фактической моделей деятельности прокурора

Правовая модель деятельности прокурора, в первую очередь, отражает нормативное регулирование такой деятельности. Фактическая модель деятельности прокурора в идеале должна соответствовать правовой, т. е. правоприменительная практика должна четко отражать реализацию норм права. Однако анализ законодательства и практики отечественного уголовного судопроизводства позволяет говорить о наличии существенных расхождений в моделях деятельности прокурора. По сути, в настоящее время в качестве двух самостоятельных единиц с высоким уровнем несоответствия существуют две модели деятельности прокурора: правовая и фактическая.

Согласно действующей ныне в России правовой модели деятельности прокурора, на него возложено осуществление уголовного преследования от имени государства (ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 37 УПК РФ). В то же время прокурор лишен полномочий по непосредственному осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве, как лишен он и реальных полномочий по руководству уголовным преследованием, осуществляемым следователем и дознавателем. При этом закон требует от прокурора обеспечивать законность и обоснованность такого уголовного преследования, возлагая на него надзор за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания.

Практикующие прокуроры, остро ощущая такие противоречивые установки действующего закона, пытаются найти законодательные основания для восполнения полномочий прокурора по участию в уголовном преследовании, полагая, например, что прокурор по-прежнему вправе принимать участие в предварительном расследовании, так как «...запрета на непосредственное участие прокурора в следственных действиях УПК не содержит» [11, с. 39]. Такой «гибкий» подход к толкованию действующего законодательства является весьма распространенным среди правоприменителей, которые хотят увидеть в законе положения, столь необходимые им в реальной деятельности. И судя по новостным сайтам и сайтам органов прокуратуры, непосредственное участие прокурора в производстве некоторых следственных

действий (например, в осмотре мест происшествия) сегодня является распространенной практикой на территории всей Российской Федерации².

Результаты изучения практики досудебного производства и анкетирования работников органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания позволяют утверждать, что в настоящее время фактическая модель деятельности прокурора осталась неизменной, несмотря на существенную корректировку правовой модели его деятельности в результате правовой реформы 2007 года. Прокуроры по существу продолжают руководить предварительным расследованием вне зависимости от его формы. Ими даются гласные и негласные указания о ходе и направлении расследования (это отметили 68,8% следователей и 94,2% дознавателей), с прокурором согласовывается принятие ключевых решений по уголовному делу (о возбуждении дела и его прекращении, о выдвижении обвинения) (на это указали 86,5% следователей).

Таким образом, ныне прокурорское руководство досудебным уголовным преследованием ушло в «теневую практику» органов прокуратуры. Такое положение дел является закономерным с учетом того, что в досудебном производстве для прокурора, как для будущего государственного обвинителя, готовится доказательственная база, которой он будет оперировать в суде, и именно прокурор обязан по завершении расследования принять окончательное решение о направлении уголовного дела в суд, а затем уже в ходе судебного разбирательства — поддерживать государственное обвинение.

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена культурно-историческими особенностями формирования модели деятельности прокурора в уголовном процессе. Постперестроечная правовая модель деятельности прокурора исторически была близка к германскому типу с нацеленностью на установление объективной истины по делу и работой в плотном взаимодействии с органами расследования. И ныне, несмотря на отсутствие законодательного закрепления, прокуроры в уголовном процессе по-прежнему ставят перед собой задачу соответствия сделанных по итогам предварительного расследования выводов фактическим обстоятельствам дела, т. е. задачу достижения объективной истины (это отметили 98,2% прокуроров).

При реформировании деятельности прокурора не были учтены и исторически сложившиеся общественные ожидания и психологическое восприятие работниками правоохранительных органов и российскими гражданами органов прокуратуры в сфере уголовного судопроизводства как сильного руководящего органа, способного оказывать воздействие на ход расследования и обеспечивать законность уголовного преследования. Несмотря на изменение законодательства, правоохранительные органы предпочитают использовать привычную для них модель прокурорской деятельности, при которой он является активным участником досудебного производства, а не его сторонним наблюдателем.

² См.: Прокурор Республики Ингушетия выехал на место происшествия с одним погибшим и тремя ранеными жителями с.п. Кантышево Назрановского района [Электронный ресурс] // Новости прокуратуры РФ. URL: <https://procrf.ru/news/2454310-prokuror-respubliki-ingushetiya-vyiehal.html> (дата обращения: 23.06.2021). Прокурор Зауралья выехал на место ДТП, в котором погибли пять человек [Электронный ресурс] // Znak.com. URL: https://www.znak.com/2021-05-11/prokuror_zauralya_vyehal_na_mesto_dtp_v_kotorom_pogibli_pyat_chelovek (дата обращения: 23.06.2021). Прокурор г. Томска выехал на место происшествия по сообщению об обнаружении тела мужчины [Электронный ресурс] // Официальный сайт прокуратуры Томской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_70/mass-media/news?item=59867504 (дата обращения: 23.06.2021) и т. д.

Изменения относительно функций и полномочий прокурора, внесенные в последние годы в законодательство, носили фрагментарный, во многом непоследовательный характер. Тот факт, что прокурор возглавляет государственное уголовное преследование (ч. 1 ст. 21 УПК РФ), отстаивает его перед судом, приносит извинения лицу, подвергнутому уголовному преследованию в случае его реабилитации и, значит, неизбежно несет ответственность за уголовное преследование, осуществляемое органами расследования, ставит прокурора в положение, когда он отвечает за качество и результаты уголовного преследования на всех стадиях уголовного судопроизводства. Этот фактор имеет в том числе психологический характер и влияет на формируемые связи и взаимодействие между прокурорами и органами расследования.

Заложенные в действующем УПК РФ схемы взаимоотношений прокурора с органами дознания и следствия изначально не отличаются оптимальностью, а в правоприменительной практике нередко и вовсе приобретают своеобразную интерпретацию. Несмотря на то, что у прокурора нет полномочий консультировать и направлять ход расследования в форме следствия, 85,9% следователей и 91% дознавателей указали, что систематически обращаются к прокурору за консультациями (советами).

Полученные данные подтверждаются и субъективным восприятием иными участниками уголовного процесса характера взаимодействия между прокурорами и органами расследования. На вопрос анкеты «Как, на Ваш взгляд, осуществляется взаимодействие между прокурором и органами расследования в досудебном производстве?» было получено 16 развернутых ответов, свидетельствующих о том, что участники процесса воспринимают прокурора как руководителя предварительного расследования (примеры ответов: что прокурор скажет, то они и сделают; следователь постоянно советовался с прокурором; играют на одной стороне, они всё между собой согласовывают).

На вопрос «Получают ли, на Ваш взгляд, сотрудники органов следствия и дознания консультации (советы) от прокурора по уголовным делам?» 97,2% адвокатов ответили утвердительно. Схожие данные были получены при опросе потерпевших (86,9% ответили утвердительно) и подозреваемых (обвиняемых) (97,6% положительных ответов).

Полагаем, что выработанные российской практикой и реально существующие формы взаимодействия между прокурором и органами расследования, не предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством, отражают реальные потребности отечественного правоприменителя. Такая ситуация неизбежно приводит к возникновению и распространению правового нигилизма среди правоприменителей, на существование которого обоснованно указывает профессор А.Н. Костюков [8, с. 48].

Проявление правового нигилизма

Правовой нигилизм относится к одной из наиболее серьезных профессиональных деформаций сотрудников правоохранительных органов [5; 6; 15]. Одним из критериев определения правового нигилизма является отношение субъекта к реализации закона на практике [14]. В табл. 1 представлена оценка группами респондентов верности утверждения «на практике все иначе, чем в законе».

Среди всех групп респондентов прослеживается высокий уровень оценки верности заявленного утверждения, что свидетельствует о проявлениях правового нигилизма, выражающегося в непризнании действия закона при осуществлении уголовного судопроизводства. Особенно ярко такая позиция выражена среди подозреваемых (обвиняемых) и адвокатов.

Среди сотрудников правоохранительных органов и суда данные опроса показывают, что прокуроры в большей степени склонны к нигилистическому восприятию действия закона на практике. Это может быть вызвано тем, что в отличие от остальных участников процесса, прокуроры чаще сталкиваются с противоречием между стоящими перед ними задачами и имеющимся «набором инструментов».

Таблица 1

Отношение респондентов к реализации закона на практике (в %)

Оцените верность утверждения для сферы уголовного судопроизводства: «На практике все иначе, чем в законе» — по 10-балльной шкале, где 1 — утверждение абсолютно неверно, а 10 — утверждение совершенно верное	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сотрудники органов прокуратуры	—	9,1	18,2	9,1	—	—	—	27,3	18,2	18,2
Сотрудники органов расследования	14,3	—	—	7,1	14,3	21,4	7,1	28,6	7,1	—
Сотрудники органов дознания	5,4	5,4	16,2	5,4	16,2	18,9	8,1	13,5	5,4	5,4
Сотрудники суда	7,1	—	14,3	21,4	14,3	7,1	14,3	7,1	7,1	7,1
Адвокаты	—	—	—	—	—	25,6	—	25,6	37,6	11,2
Потерпевшие	—	—	—	—	13,1	13,1	—	—	13,1	60,7
Подозреваемые (обвиняемые)	—	—	—	—	—	—	—	—	50	50

Еще одним критерием, указывающим на наличие правового нигилизма в среде правоприменителей, является осознанное допущение возможности нарушения законодательства.

По данным анкетирования потерпевших и обвиняемых (подозреваемых), одним из наиболее частых нарушений является несвоевременное информирование, либо вообще неполучение ими информации о движении уголовного дела, а также появление в деле документов, которых в нем ранее не было, т. е. предположительно подписанных «задним числом». Адвокаты отмечают подписание следователями, дознавателями и прокурорами документов «задним числом» как повсеместную, распространенную практику (56,9% — очень часто, 22,9% — часто, 19,3% — иногда). Кроме того, 8 из опрошенных потерпевших указали, что прокуроры обращались к ним с просьбой подписать процессуальные документы числом, не соответствующим фактической дате подписания. Среди самих прокуроров 36,3% допустили возможность подписания документов «задним числом». Из них 8,96% готовы пойти на такое нарушение, если это не затронет права и законные интересы участников уголовного процесса, 27,35% — в исключительных случаях ради обеспечения оперативности производства по делу и исключения волокиты, что говорит о высокой степени допущения нарушений закона.

На вопрос: «Допустимо ли отступление от требований действующего законодательства в уголовном судопроизводстве?» — большинство прокурорских работников (63,2%) ответили отрицательно; 36,8% поставили такую возможность в зависимость от различных условий и обстоятельств; 8,96% — если это не затронет права и законные интересы участников уголовного процесса; 18,38% — если допускаемые нарушения не являются существенными и это требуется в интересах оперативного раскрытия преступления; 6,72% — только в исключительных случаях, когда иначе невозможно раскрыть преступление; 2,7% — в исключитель-

ных случаях ради обеспечения оперативности производства по делу, ради исключения волокиты. В развернутых ответах прокуроры указали, что законодательные положения порой противоречат друг другу и приходится нарушать положения одного закона, чтобы соблюсти положения другого; что реализация положений закона зачастую зависит от его интерпретации судом, а прокурору при этом приходится подстраиваться под мнение суда.

Тем самым прокурорские работники признают принципиальную возможность нарушения закона в своей деятельности. При этом побуждениями для такого нарушения является выполнение задачи борьбы с преступностью в условиях отсутствия необходимого для этого объема полномочий.

В связи с этим представляют интерес мнения респондентов о профессиональных деформациях, наиболее часто встречающихся среди прокуроров (рис. 1). Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответов, которые считали наиболее подходящими. На рис. 1 продемонстрировано распределение мнений о профессиональных деформациях среди прокуроров по группам респондентов.

Несмотря на явное отступление от жесткого правового регулирования и расширительное интерпретирование своих полномочий, прокуроры считают правовой нигилизм самой распространенной профессиональной деформацией в своей среде. Это может свидетельствовать о восприятии такого положения как нормы. В то же время адвокаты считают правовой нигилизм одной из наиболее частых деформаций среди прокурорских работников, наряду с обвинительным уклоном и апатией (95%, 88% и 100% соответственно). Совокупная оценка, данная всеми группами респондентов, позволяет говорить о распространенности правового нигилизма в прокурорской среде.

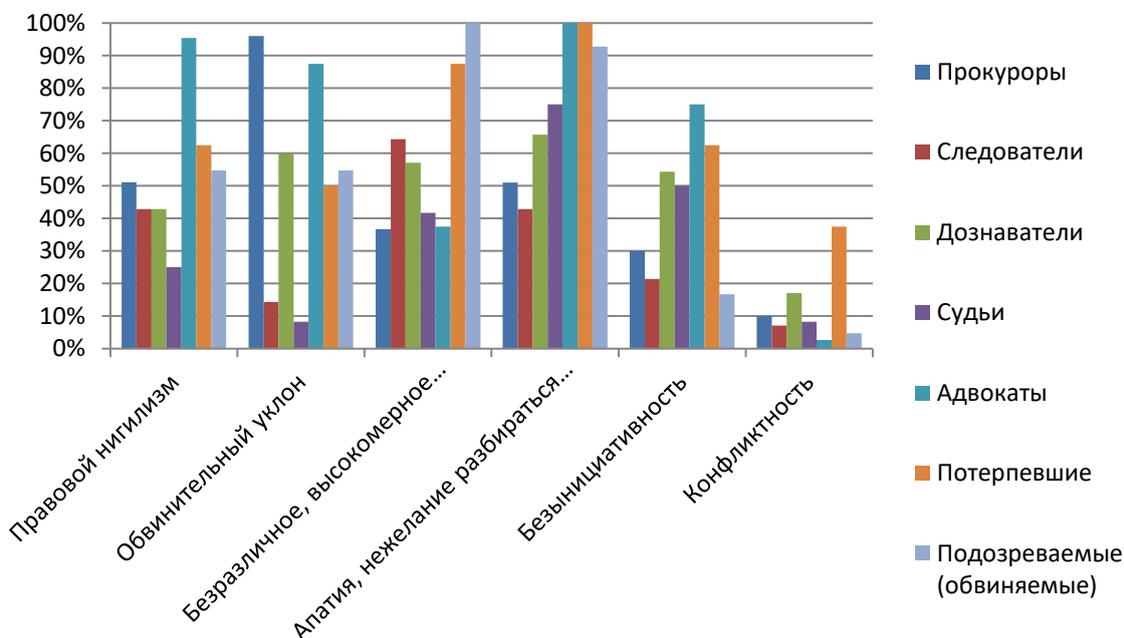

Рис. 1. Ответы на вопрос о том, какие, по мнению респондентов, профессиональные деформации наиболее часто встречаются среди прокурорских работников

Заключение

Таким образом, данные проведенного исследования позволяют говорить о наличии проявлений правового нигилизма у сотрудников органов прокуратуры, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, как профессиональной деформации, о которой принято умалчивать в среде прокурорских работников. Это во многом обусловлено наличием двух, не соответствующих друг другу и существующих как достаточно автономные, моделей деятельности прокурора в уголовном процессе — правовой и фактической. По сути, прокуроры на досудебных стадиях уголовного процесса, руководствуясь действующим законодательством, строго следуя ему, оказались в условиях невозможности полноценного осуществления своих функций. В ряде случаев прокурор вынужден идти на нарушение закона или искажение практики его применения для того, чтобы решить те задачи, которые поставлены перед ним этим же законом.

Такая ситуация свидетельствует, в первую очередь, не о профессиональной непригодности сотрудников органов прокуратуры, а о непоследовательности и нелогичности действующего законодательства, недостатки которого прокуроры вынуждены компенсировать отмеченными проявлениями правового нигилизма. Нормативно закрепленная ответственность прокурора за уголовное преследование на всем протяжении уголовного процесса и отсутствие законодательной возможности реально влиять на его осуществление в досудебном производстве не только ведут к появлению правового нигилизма среди прокурорских работников и сотрудников органов предварительного следствия и дознания, но и становятся определенным деструктивным фактором, дестабилизирующим уголовное судопроизводство России.

В силу этого правовая модель деятельности прокурора в уголовном процессе должна быть основана на четко определенных в законе таких структурных элементах, как цель и принципы деятельности прокурора, возложенные на него функции и соответствующие им полномочия, взаимоотношения с иными должностными лицами, осуществляющими функцию уголовного преследования, а также иными участниками уголовного процесса. При законодательном «наполнении» данных структурных элементов нормативной модели деятельности прокурора должны учитываться не только объективные, но и субъективные факторы, в том числе неизбежное влияние правового регулирования деятельности прокурора на формирование его правосознания, возникновение и развитие правового нигилизма.

Литература

1. Андрианов М.С. Общественное мнение о социальной значимости органов прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3. С. 61–65.
2. Воронин О.В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1 (7). С. 24–32.
3. Воронин С.Э., Кириенко Н.А. Прокурор как участник уголовного судопроизводства: Монография. Биробиджан, 2012. 196 с.
4. Гаврилов Б.Я. О повышении роли прокурора в уголовном судопроизводстве в условиях радикально либеральных тенденций развития законодательства // Публичное и частное право. 2019. № 1 (41). С. 137–146.

Чурикова А.Ю., Манова Н.С.
Модель деятельности прокурора
в уголовном судопроизводстве
как детерминанта правового нигилизма
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 226–237.

Churikova A.Yu., Manova N.S.
The Model of the Prosecutor's
Activity in Criminal Proceedings
as a Determinant of Legal Nihilism
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 226–237.

5. Жуков В.Г. Правовой нигилизм и правовой идеализм как наиболее актуальные и выражающие повышенную общественную опасность формы деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 47–52. doi:10.24420/KUI.2020.39.1.006
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.
7. Капинус О.С., Андреев Б.В., Казарина А.Х. Оценка эффективности работы органов прокуратуры со стороны личности, общества, государства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 1. С. 17–28
8. Костюков А.Н. О кризисе правоприменения в современной России // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 45–49.
9. Котова И.Б., Геворкян Г.Г. Психологическая составляющая в профессиональной деятельности сотрудников прокуратуры // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2015. № 7. С. 99–107.
10. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологическое исследование профессиональной деформации прокурорских работников // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53). С. 68–74.
11. Лукинов А.С. Непосредственное участие прокурора в следственных действиях как форма надзора и уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 1 (1011). С. 38–39.
12. Никологорская Ю.В. Новые формы взаимодействия прокуратуры с институтами гражданского общества как механизм формирования общественного доверия // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2017. № 1. С. 141–148.
13. Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. Деформация правового сознания сотрудников правоохранительных органов // Философия права. 2019. № 2 (89). С. 170–175.
14. Протасова И.Н., Сычев О.А., Аношкин И.В. Ценностные и моральные основы правового нигилизма молодежи [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 158–173. doi:10.17759/psylaw.2020100311
15. Ширванов А.А., Камнева Е.В. Профессиональная деформация личности как причина нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Научный портал МВД России. 2008. № 3. С. 115–118.
16. Bittmann F. Die Verständigung und die Rolle der Staatsanwaltschaft // Praxishandbuch zur Verständigung im Strafverfahren / Sinn A., Schöbbling C. (ed.). Berlin: Springer, 2017. P. 19–126. doi:10.1007/978-3-662-48976-5_2
17. Britton A. Pressing for Sentence? An Examination of the New Zealand Crown Prosecutor's Role in Sentencing // Criminal Law Forum. Springer Netherlands. 2018. Vol. 29(3). P. 377–433. doi:10.1007/s10609-018-9347-x
18. Manova N.S., Churikova A.Yu. Prosecutor's activity model as the most important guideline for reforming the system of criminal proceedings // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium". Kaliningrad, 2021. P. 04002. doi:10.1051/shsconf/202110804002

References

1. Andrianov M.S. Obshchestvennoe mnenie o sotsial'noi znachimosti organov prokuratury. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2008, no. 3, pp. 61–65 (In Russ.).
2. Voronin O.V. Prokurorskoe ugovnoe presledovanie v razlichnykh stadiyakh i proizvodstvakh otechestvennogo ugovnogo protsessa [Criminal prosecution at different stages and in all procedures of domestic criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 1 (7), pp. 24–32 (In Russ.).
3. Voronin S.E., Kirienko N.A. Prokuror kak uchastnik ugovnogo sudoproizvodstva: Monografiya. Birobidzhan, 2012. 196 p. (In Russ.).
4. Gavrilov B.Ya. O povyshenii roli prokurora v ugovnom sudoproizvodstve v usloviyakh radikal'no liberal'nykh tendentsii razvitiya zakonodatel'stva [On the prosecutor role increase in criminal proceedings in conditions of the legislation development radical liberal tendencies]. *Publichnoe i chastnoe pravo = Public and Private Law*, 2019, no. 1 (41), pp. 137–146 (In Russ.).
5. Zhukov V.G. Pravovoi nigelizm i pravovoi idealizm kak naibolee aktual'nye i vyrazhayushchie povyshennuyu obshchestvennuyu opasnost' formy deformatsii pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del [Legal Nihilism and Legal Idealism as the Most Relevant and Expressing a Greater Danger of Deformation of Legal Consciousness of Police Officers] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2020, no. 1 (39), pp. 47–52. doi:10.24420/KUI.2020.39.1.006 (In Russ.).
6. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Pravosoznanie yurista i pravovoi nigelizm: sovremennye problemy professional'noi deformatsii [Legal awareness of lawyer and legal nihilism: contemporary issues of professional deformation]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Present*, 2013, no. 11, pp. 11–29 (In Russ.).
7. Kapinus O.S., Andreev B.V., Kazarina A.Kh. Otsenka effektivnosti raboty organov prokuratury so storony lichnosti, obshchestva, gosudarstva [Effectiveness assessment of the prosecution service bodies performance vis-à-vis an individual, society and state]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2013, no. 1, pp. 17–28 (In Russ.).
8. Kostyukov A.N. O krizise pravoprimeneniya v sovremennoi Rossii [About the crisis of law enforcement in modern Russia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 2 (47), pp. 45–49 (In Russ.).
9. Kotova I.B., Gevorkyan G.G. Psikhologicheskaya sostavlyayushchaya v professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov prokuratury [Psychological component in professional activity of employees of public Prosecutor's Office]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki = Proceedings of South Federal University. Pedagogical Sciences*, 2015, no. 7, pp. 99–107 (In Russ.).
10. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psikhologicheskoe issledovanie professional'noi deformatsii prokurorskiykh rabotnikov [Psychological researches of the prosecutors's professional deformation]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2016, no. 3 (53), pp. 68–74 (In Russ.).
11. Lukinov A.S. Neposredstvennoe uchastie prokurora v sledstvennykh deistviyakh kak forma nadzora i ugovnogo presledovaniya na dosudebnoi stadii ugovnogo sudoproizvodstva [The direct participation of the prosecutor in the investigation as a form of supervision and criminal prose-

Чурикова А.Ю., Манова Н.С.
Модель деятельности прокурора
в уголовном судопроизводстве
как детерминанта правового нигилизма
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 226–237.

Churikova A.Yu., Manova N.S.
The Model of the Prosecutor's
Activity in Criminal Proceedings
as a Determinant of Legal Nihilism
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 226–237.

cution at the pretrial stage of criminal proceedings]. *Zakonnost' = Zakonnost Journal*, 2019, no. 1 (1011), pp. 38–39 (In Russ.).

12. Nikologorskaya Yu.V. Novye formy vzaimodeistviya prokuratury s institutami grazhdanskogo obshchestva kak mekhanizm formirovaniya obshchestvennogo doveriya [New forms of interaction between prosecutors and institution of civil society as a mechanism for the handle]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta = Herald of the Moscow University of Finances and Law MFUA*, 2017, no. 1, pp. 141–148 (In Russ.).

13. Ovchinnikova O.D., Shaganyan A.M. Deformatsiya pravovogo soznaniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Deformation of legal awareness of officers of law enforcement agencies]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019. no.2 (89), pp. 170–175 (In Russ.).

14. Protasova I.N., Sychev O.A., Anoshkin I.V. Tsennostnye i moral'nye osnovy pravovogo nigelizma molodezhi [Values-related and Moral Foundations of legal Nihilism of Youth] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 158–173. doi:10.17759/psylaw.2020100311 (In Russ.).

15. Shirvanov A.A., Kamneva E.V. Professional'naya deformatsiya lichnosti kak prichina narushenii zakona v ugovnom sudoproizvodstve. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior*, 2008, no. 3, pp. 115–118 (In Russ.).

16. Bittmann F. Die Verständigung und die Rolle der Staatsanwaltschaft [The understanding and the role of the Public Prosecutor]. In Sinn A., Schöbbling C. (eds.) *Praxishandbuch zur Verständigung im Strafverfahren [Practical handbook on plea bargaining in criminal proceedings]*. Berlin: Springer 2017, pp. 19–126. doi:10.1007/978-3-662-48976-5_2

17. Britton A. Pressing for Sentence? An Examination of the New Zealand Crown Prosecutor's Role in Sentencing. *Criminal Law Forum. Springer Netherlands*, 2018. Vol. 29, no. 3, pp. 377–433. doi:10.1007/s10609-018-9347-x

18. Manova N.S., Churikova A.Yu. Prosecutor's activity model as the most important guideline for reforming the system of criminal proceedings. *SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium"*. Kaliningrad, 2021, pp. 04002. doi:10.1051/shsconf/202110804002

Информация об авторах

Чурикова Анна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедра административного и уголовного права, Поволжский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО ПИУ РАНХиГС), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0299-622X>, e-mail: a_tschurikova@bk.ru

Манова Нина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий, кафедра уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО СГЮА), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2755-2070>, e-mail: n.manova@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Churikova, PhD in Law, Docent, Associate Professor, Department of Administrative and Criminal Law, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0299-622X>, e-mail: a_tschurikova@bk.ru

Чурикова А.Ю., Манова Н.С.
Модель деятельности прокурора
в уголовном судопроизводстве
как детерминанта правового нигилизма
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 226–237.

Churikova A.Yu., Manova N.S.
The Model of the Prosecutor's
Activity in Criminal Proceedings
as a Determinant of Legal Nihilism
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 226–237.

Nina S. Manova, Doctor of Law, Professor, Head, Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2755-2070>, e-mail: n.manova@mail.ru

Получена 12.08.2021
Принята в печать 12.08.2022

Received 12.08.2021
Accepted 12.08.2022